

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.72>

Осьмухина Ольга Юрьевна, Якунина Мария Александровна

**СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ М. ЮДЕНИЧ
"СТРЕМЛЕНИЕ УБИВАТЬ"**

Статья посвящена осмыслению преломления готической традиции в романе М. Юденич с помощью сравнительно-исторического метода и метода целостного изучения литературного произведения. Установлено, что в произведении синтезируются черты готического (особый замкнутый хронотоп дома, являющийся аналогом замкового хронотопа; появление призраков, способствующих созданию атмосферы ужаса и тайны; герои-злодеи, определяющие сюжетное развертывание) и детективного романов (героиня-расследователь, реконструирующая события прошлого, опирающаяся на логику в раскрытии тайны и придающая реалистическую мотивировку происходящему).

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/2/72.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 342-346. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. **Быков Д.** Счастливая жизнь Захара Прилепина // Прилепин З. Грех: роман в рассказах. М.: Вагриус, 2007. С. 3-12.
4. **Колобродов А.** Время Прилепина [Электронный ресурс] // Волга. 2010. № 7-8. URL: <http://magazines.russ.ru/volga/2010/7/ko17.html> (дата обращения: 18.12.2018).
5. **Кофырин Н.** Библионочь с Прилепиным [Электронный ресурс] // Эхо Москвы. 2016. 23 апреля. URL: https://echo.msk.ru/blog/nikolay_kofyrin/1753052-echo/ (дата обращения: 18.12.2018).
6. **Липовецкий М.** Политическая моторика Захара Прилепина [Электронный ресурс] // Знамя. 2012. № 10. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/10/li12.html> (дата обращения: 18.12.2018).
7. **Нарбекова О. В.** Тема «отцов и детей» как духовная мутация поколений в романе З. Прилепина «Обитель» [Электронный ресурс] // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2016. Т. 42. URL: <https://e-koncept.ru/2016/56958.htm> (дата обращения: 18.12.2018).
8. **Прилепин З.** Летучие бурлаки [Электронный ресурс]: сборник. М.: АСТ, 2015. URL: <https://libcat.ru/?story=прилепин+летучие+бурлаки&do=search&subaction=search&titleonly=3> (дата обращения: 18.12.2018).
9. **Рудалев А.** Феноменология Прилепина [Электронный ресурс] // Литературная Россия. 2015. № 23. URL: <https://litrossia.ru/item/3570-oldarchive> (дата обращения: 18.12.2018).
10. **Сечин Р.** Не статья насекомым [Электронный ресурс]. М.: Литературная Россия, 2011. 238 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/publicistika/204706-roman-senchin-ne-stat-nasekomym.html> (дата обращения: 18.12.2018).
11. **Соловьев В. С.** Сочинения: в 2-х т. М.: Правда, 1989. Т. 1. 639 с.
12. **Токарев А.** Искусство правды. Саратов: Десятая Муза, 2018. 200 с.

COMPREHENSION OF THE RUSSIAN REALITY IN Z. PRILEPIN'S COLLECTION "FLYING BURLAKS"

Narbekova Oksana Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Tambov State Technical University
oksanaa-n@mail.ru

Nachernaya Svetlana Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Moscow Economic Institute
svetlana_nachrna@mail.ru

The work deals with the articles included in Z. Prilepin's collection "Flying Burlaks". The authors pay attention to the comprehension of the Russian reality by the essay writer, to the unique presentation of the material, to the ways of solving problems suggested by Z. Prilepin. His deep involvement in what is happening in Russia and convinced nationalistic ideas are emphasized. The Russian cultural codes are identified; the originality of the Russian life is noted. It is ascertained that the decisive condition for the country development is the change of the elites and the definition of the national idea. The emphasis is placed on the need to respect our history, and to preserve imperial self-identity.

Key words and phrases: Z. Prilepin; collection "Flying Burlaks"; Russianness; author's position; nationalistic nature; self-identification; cultural code; national idea.

УДК 82; 801.73

Дата поступления рукописи: 08.12.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.2.72>

Статья посвящена осмыслению преломления готической традиции в романе М. Юденич с помощью сравнительно-исторического метода и метода целостного изучения литературного произведения. Установлено, что в произведении синтезируются черты готического (особый замкнутый хронотоп дома, являющийся аналогом замкового хронотопа; появление призраков, способствующих созданию атмосферы ужаса и тайны; герои-злодеи, определяющие сюжетное развертывание) и детективного романов (героиня-расследователь, реконструирующая события прошлого, опирающаяся на логику в раскрытии тайны и придающая реалистическую мотивировку происходящему).

Ключевые слова и фразы: традиция; готика; роман; М. Юденич; хронотоп.

Осьмухина Ольга Юрьевна, д. филол. н., профессор

Якунина Мария Александровна

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева,

г. Саранск

osmukhina@inbox.ru

СПЕЦИФИКА ПРЕЛОМЛЕНИЯ ГОТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ М. ЮДЕНИЧ «СТРЕМЛЕНИЕ УБИВАТЬ»

Общеизвестно, что с середины XVIII столетия в европейской словесности происходит становление и дальнейшее формирование готической традиции, нашедшей в XX в. свое органичное выражение не только в литературе, но и в кинематографе [10; 11; 14-17]. Как справедливо указывает В. Вацура, «к концу XVIII – началу XIX века относится первая волна увлечения "готическим" романом в России, прежде всего на читательском уровне; однако с появлением "Острова Борнгольма" Н. М. Карамзина становится очевидным, что сама

русская словесность эстетически уже подготовлена к его восприятию» [3, с. 3]. В течение XIX–XX вв. отечественная проза прочно усваивает европейскую готику, что воплотилось в повестях М. Погодина, А. Погодельского, В. Одоевского, А. К. Толстого, Н. Гоголя, «таинственных повестях» И. Тургенева, мистических текстах В. Крыжановской, «демонологическом романе» А. Кондратьева, в прозе В. Короткевича, Ю. Мамлеева, О. Славниковой, Л. Петрушевской, А. Старобинец и т.д.

На сегодняшний день изучение готической прозы идет весьма активно как на Западе, так и в России: достаточно вспомнить работы М. П. Алексеева, В. Э. Вацура, Г. В. Заломкиной, Дж. Ховарда и др. [1; 3; 4; 7; 8; 11; 17], многочисленные диссертации [5–7; 9; 10], в которых формулируется определение готики и вычленяются важнейшие признаки готического канона. Литературная готика характеризуется, по мнению М. И. Вечкановой, фантастической окраской событий, обязательными элементами мистики, усложнением сюжетной схемы с помощью введения таинственного и сверхъестественного [5, с. 5]. Т. М. Ковалькова, кроме того, в качестве важнейших примет литературной готики указывает средневековый исторический фон, узнаваемый замковый хронотоп, а также устно-речевые штампы [10, с. 12].

В отечественной прозе рубежа 1990–2000-х гг., характеризующейся синтезом жанровых форм, разнообразными жанровыми трансформациями, появляется *готический детектив*, являющийся особой разновидностью детективного романа, включающего в себя черты романа готического. Как отмечают многие литературоведы, готика оказала значительное влияние на формирование и последующее становление детективного жанра, став его предтечей: «Детектив – ее (готики. – О. О., М. Я.) секуляризованный отпрыск». Появление его обусловлено не столько «потребностью в подтверждении тривиальной реальности», сколько «потребностью в тайне, в некоторой толике неопределенности и страха» [8, с. 122]. Более того, как справедливо указывают О. Ю. Осьмухина и А. В. Казачкова, «сюжет в обоих жанрах основан на загадке, обрастающей все новыми и новыми таинственными подробностями, причем задача разгадать тайну стоит как перед персонажами произведений, так и перед читателями» [12, с. 253]. Необъяснимая на первый взгляд загадка является ключевой составляющей сюжетного развертывания не только детектива, но и готики. При этом в готическом романе в процесс раскрытия тайны и разоблачения злодея, в предугадывание финала повествования должен быть вовлечен и читатель, равно как и в детективном жанре, где читатель не только наблюдает за событиями, но и вместе с расследователем пытается предвидеть развязку. Готику и детектив, кроме того, сближает специфическая атмосфера повествования: ожидание постоянной опасности от неуловимого и коварного героя-злодея, создающее сюжетную напряженность, намеренно концентрированное ощущение страха и ужаса.

Как известно, синтез готики и детектива осуществил еще Э. А. По, признанный родоначальник детективного жанра и одновременно продолжатель готической традиции. В современной словесности готическая эстетика в детективных романах распространена в произведениях многих писателей [8; 10; 17]: «С позиции современной литературы, важнейший источник сегодняшних детективов и ужасов – готическая литература, один из первых и наиболее успешных массовых жанров» [3, с. 23].

Синтез жанровых форм в современном детективном романе ярко представлен в произведениях М. Юденич «Я отворил перед тобою дверь», «Дата моей смерти», «Стремление убивать», «Welcome to Трансильвания». Как справедливо отмечают О. Ю. Осьмухина и А. В. Казачкова, во всех этих романах «сохранена традиционная детективная интрига, а также присутствуют элементы и детектива, и готики» [12, с. 253]. Писательница, соблюдая принципы шаблонного построения детективного романа, к коим следует отнести совершенное преступление (убийство чаще всего), его последующее раскрытие, сам процесс расследования, вводит в свои романы особый хронотоп, соотносимый с замковым, мотивы «страшного» и «ужасного», играющие сюжетообразующую роль и способствующие созданию таинственной и загадочной атмосферы, другими словами, весь «набор» готической атрибутики. Это не просто позволяет «условно назвать» ее произведения «готическими детективами», но и свидетельствует об очевидном расширении тематического диапазона отечественного детектива рубежа XX–XXI вв.» [Там же, с. 255]. Стоит обратить внимание на то, что, хотя в готическом детективе основой сюжета является загадка, которую предстоит разгадать профессиональному (или непрофессиональному, что не принципиально) сыщику, расследование преступления, разгадка подобного «ребуса» требует не логического (как в детективе), но сугубо психологического объяснения, проникновения в глубины человеческой психики. Это, безусловно, сближает готический детектив с психологическим романом. Для выяснения причин преступления необходим детальный психологический анализ характеров и поступков персонажей – и жертвы, и преступника, и всех подозреваемых.

Наиболее показательным примером синтеза готической и детективной традиции является, на наш взгляд, роман М. Юденич «Стремление убивать». Подробнее рассмотрим черты готического романа, проявляющиеся в этом произведении.

Так, классическая детективная триада «преступник – жертва – расследователь» «встраивается» здесь внутри готических реалий. С одной стороны, как и в классическом детективном романе (достаточно вспомнить, например, романы А. Кристи или Ж. Сименона), действие у М. Юденич развивается вполне локально: преступник собирает своих потенциальных жертв в одном месте, в камерном пространстве, покинуть которое практически невозможно. С другой стороны, взаимоотношения преступника и его жертв развиваются не просто в доме, но в достаточно жутком строении, расположенном на фоне весьма зловещего пейзажа и имеющем ярко выраженные средневековые очертания, что также позволяет говорить о присутствии готического элемента в структуре романа: «Но старый дом стоял. Одинокий, холодный, мертвый» [13, с. 6]. Неотъемлемой составляющей хронотопа романа становятся, таким образом, традиционные готические приметы: пустынная извилистая тропинка, загадочное жилище. Кстати, само пространство таинственного дома, в пределах которого

разворачиваются важнейшие события романа, вполне соотносимо с традиционным для готического романа «замковым хронотопом», вычлененным М. М. Бахтиным. Ученый отмечал очевидную «насыщенность» замка «временем исторического прошлого», к приметам которого можно отнести «следы веков и поколений», воплощенных не только в самой стилистике его постройки, но и в «обстановке, в оружии, в галерее портретов предков, в фамильных архивах, в специфических человеческих отношениях династического преемства, передачи наследственных прав» [2, с. 179-180]. Кроме того, весь замок с его средневековым антуражем оказывается буквально «пропитанным» легендами и преданиями далекого прошлого, отсылающими к его истории и истории поколений, чье существование было с ним непосредственно связано. Это, по мысли М. М. Бахтина, и способствует созданию «специфической сюжетности» замка, репрезентированной в готическом романе. Старинное убранство дома у М. Юденич антикварная массивная мебель, мрачные стены, окна, занавешенные тяжелыми портьерами, лабиринты комнат – все это вполне соотносится с традиционным замковым хронотопом.

В романе М. Юденич примечательны эпитеты, использованные прозаиком для создания не только хронотопа таинственного дома, топография которого, кстати, весьма конкретна и воссоздана очень тщательно, но и атмосферы ужаса и тайны в целом – *одинокий, холодный, мертвый, призрачный*. «Тропинка... довольно долго петляла между деревьями. Лес вплотную подступал к ней с обеих сторон... Этот дом по определению не мог защитить от страха, тем более такого, лишённого внятных контуров, беспричинного, но оттого еще более сильного. Ибо именно дом, а вовсе не черный лес... был главным источником гнетущей тревоги, тяжелых предчувствий и ледяного, тоскливого ужаса» [13, с. 186]. Очевидно, что не только сам дом, расположенный у края леса, «черного», «пугающего» и «непроглядного» [Там же], как указывает повествователь, наполненного таинственными звуками, пройти к которому можно не по дороге, а лишь извилистой тропинкой, но и даже сам путь к нему внушает страх. Или еще один пример, когда дом описывается как «призрачный»: «Издали этот дом кажется всего лишь стучком зыбких теней. <...> Определение, более подходящее этому бледному дому, медленно всплывает в памяти. Призрачным! <...> Дом-призрак. Дом-видение, готовый в любую минуту раствориться в лучах холодного солнца» [Там же, с. 393-394]. Тенеобразность, призрачность дома становится своего рода маркером между двумя реальностями: настоящим миром обычных людей, втянутых по воле главного героя в его преступные эксперименты, и жуткой действительностью самого злодея, совершающего череду кровавых убийств.

Мало того, в «Стремлении убивать», равно как и в других романах М. Юденич, вокруг участников потенциальных жертв главного героя конструируется атмосфера страшного, чему способствует, во-первых, внутреннее убранство вселяющего ужас дома, во-вторых, образы главных героев-злодеев, которые не только последующими преступлениями, но уже своим обликом усиливают ощущение ужаса и тайны. Кроме того, в отличие от романа детективного, где происходящее логически связано и рационально обусловлено, для романа М. Юденич характерна нарочитость построения произведения: необходимость максимально объять взаимосвязи событий и судеб персонажей, продемонстрировать их переплетение в мировой предопределенности способствует обнажению не логического, психологического объяснения происходящего. Практически каждое событие при этом прослеживается до конца – со всеми подробностями, с предшествующими и послужившими причиной обстоятельствами (прежде всего психологического свойства, о чем свидетельствует, к примеру, история главного героя двадцатилетней давности, ставшая причиной его сегодняшних преступлений), с последствиями и побочными результатами. Примечательно, что, описывая переломные моменты во взаимоотношениях главных героев, повествователь как подлинный сыщик-аналитик предлагает читателю взглянуть на ситуацию глазами разных его участников, нередко возвращаясь к одной и той же сцене, по сути, прослеживая действие механизма взаимонепонимания и взаимонезнания, возникающих как выражение психологической беспомощности героев-жертв по сравнению с героем-злодеем.

Оговоримся, что в классическом готическом романе герой-злодей практически всегда действует один (нередко по наущению дьявола или других темных сил), именно вокруг него и концентрируется основное сюжетное развертывание. В этом контексте показательны, например, Манфред («Замок Отранто» Г. Уолпола), Монтони («Удольфские тайны» Э. Рэдклифф), Скедони («Итальянец» Э. Рэдклифф), Амброзио («Монах» М. Г. Льюиса), халиф Ватек («Ватек» У. Бэкфорда), Эрик («Призрак Оперы» Г. Леру) и др. Все они весьма колоритные фигуры, обладающие сложными и противоречивыми характерами: умные, гордые, расчетливые, предельно вежливые со всеми, внешне спокойные и хладнокровные, пытающиеся соблюсти видимость приличий и закона, они коварны, жестоки и готовы на совершение преступлений во имя достижения собственных, нередко своекорыстных, целей. М. Юденич в романе «Стремление убивать» расширяет готическую традицию, делая центром развития сюжета не одного, но двух героев-злодеев.

Один из них – Макс Симон, практикующий психотерапевт, успешный, обеспеченный мужчина, находящийся в хорошей физической форме, обладающий фотографической памятью, интеллеktуал, эстет с утонченным вкусом, наделенный патологической жадностью к неизведанному. Именно Макс является «мозговым центром» убийств, описываемых на страницах книги. Повествователь отмечает, что герой «сошел с ума дважды, сохранив при этом способность к трезвому, потрясающему логикой и утонченностью расчету» [Там же, с. 17]. Показательным является его диалог с одной из героинь романа о его профессиональной деятельности. В нем затрагивается тема провидения, души, Создателя, что характерно не только для готического, но и для неоготического канона в целом (и европейского, и отечественного):

«– Результат, конечно, важен, но при общении с такой тонкой субстанцией, как человеческая душа, мне, например, более импонирует работа, что называется, голыми руками. Так честнее, что ли... И безопаснее, надо сказать.

– И еще хочется почувствовать себя немного Богом? – это снова отозвалась Вера, и он не без едва уловимого раздражения подумал: “Черт побери, смиренница-то оказалась провидицей”. <...> Что ж, можно, наверное, сделать и такой вывод. <...> Всякий в той или иной степени пытается спорить с провидением» [Там же, с. 155]. Столь пространный цитата понадобилась нам не случайно – она весьма примечательна для характеристики не столько демонической сущности героя-злодея, сколько его патологического желания сознавать собственную власть над людьми. В стремлении ощущать себя всемогущим Создателем, вершителем судеб, обладая жертвой и наслаждаясь ее беспомощностью, безумный Макс Симон, не знающий сострадания, милосердия и подлинной любви, вполне сопоставим, на наш взгляд, с Ганнибалом Лектером из диалогии Т. Харриса «Красный дракон» и «Молчание ягнят», отчасти – с Фредериком Клеггом из «Коллекционера» Дж. Фаулза и Ж.-Б. Гренуем из «Парфюмера» П. Зюскинда.

Вторым героем-злодеем, нравственным калекой, исполнителем страшных приказов своего наставника, которому он всецело предан, является Роберт, он же Борис – хранитель дома, в котором собираются участники эксперимента. Вид Бориса наводил ужас на гостей, усиливал ощущения тревоги и страха, которые испытывали все посетители таинственного дома. Фигура героя-злодея, что также характерно для готического романа (вспомним того же Манфреда из «Замка Отранто» Г. Уолпола, пугающего Изабеллу, или Монтони из «Удольфских тайн» Э. Рэдклифф, пытающегося довести Эмили до состояния, когда она уже не сможет ему сопротивляться), контрастирует с образом героини-жертвы, которую злодей первоначально пугает, получая от этого подлинное наслаждение, а затем пытается избавиться от нее: «...высокая, стройная блондинка редкой, изысканной красоты, даже сильно вздрогнула и замерла в испуге, не смея следовать вглубь странного дома, будто в полумраке просторного холла привиделось ей что-то, утраившее душу и сковавшее тело. Но темный холл был пуст... И потому, когда откуда-то из таинственного полумрака раздался вдруг человеческий голос, вздрогнули и попятнулись к выходу уже все. – Плохая погода, очень плохая погода, – произнес голос, и понемногу из множества теней, населявших мрачный холл, начала проступать, обретая реальные очертания, фигура высокого сутулого старика...» [Там же, с. 186-187].

Готическим ореолом окружен Роберт и в момент совершения страшных, кровавых убийств. Его «темный силуэт» возникает всегда неожиданно, пугая одним своим появлением. Его «жуткие» глаза, как подчеркивает повествователь, «не могли принадлежать обыкновенному бродяге, грабителю, убийце и вообще – живому человеку. Широко распахнутые, белые, неподвижные – это были глаза ночного кошмара. Жуткого оборотня. Упыря, презревшего ледяной могильный приют» [Там же, с. 287]. Облик жуткого «старика» Роберта, уродливого и нелюдимого, со всей очевидностью отсылает к не столько к зловещему сухому и сморщенному старику – персонажу «Шагреневои кожи» О. де Бальзака, сколько к хорошо известному герою новеллы Г. Ф. Лавкрафта «Ужасный старик».

Примечательно, что и Симон, и Роберт – подлинные герои-злодеи, обладающие ярко выраженными демоническими чертами, циничные и расчетливые, долгое время остававшиеся безнаказанными, – не испытывают нравственных терзаний, раскаяния в том, что разрушают чужие судьбы и отбирают людские жизни.

В романе М. Юденич присутствуют элементы мистики, потусторонности, которые не замыкаются описаниями жуткого дома, но и актуализируются в явлении призраков (в этом смысле произведение вполне сопоставимо с близким по времени написания романом О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки», открывающимся готическим прологом – появлением призрака Софьи Андреевны, матери одной из героинь). Это касается, к примеру, появления неприкаянной Души, не знающей покоя: «Сейчас из небытия выплыло слово «Смерть». Сначала Душа сильно испугалась, потому что, находясь на расстоянии, слово уже посылало отчетливый импульс страха. <...> Могильная сырость, глухие удары тяжелых комьев земли, монотонно падающих на крышку гроба, холод и мрак небытия ввергали Душу в тоску» [Там же, с. 339-340]. Очевидны вновь характерные для романа готического приметы: тема смерти, реализуемая, кстати, на протяжении всего повествования, а также мотивы резиньяции, связанные с ней.

Или одна из героинь, по собственному признанию, видит призрак умершей женщины Лены, что подробно описано в одной из глав романа, неожиданно явившийся к ней в сумерках, назвавший ее по имени, а затем внезапно исчезнувший [Там же, с. 187]. При этом героиня не может осознать, явился ли призрак на самом деле или она впала в забытие, и подобное смешение сна и яви, расплывчатость их границ маркирует важный мотив романа М. Юденич – действительности как страшного сна. Более того, псевдовидения получают в романе вполне реалистическую, рациональную мотивировку: они не являются видениями (снами) в чистом виде, как в классической готике, к примеру, в «Замке Отранто» Г. Уолпола или «Монахе» М.-Г. Льюиса, но связаны с субъективным восприятием действительности действующими лицами, обусловлены их тотальным страхом за собственную жизнь, ужасом перед неизбежностью смерти, в который их постепенно погружает герой-злодей.

Кроме того, важнейшей в романе М. Юденич становится тема провидения, судьбы. Причем повествователь, рефлектируя над готическим каноном в целом, неотъемлемой составляющей которого на протяжении двух с половиной столетий является тема фатума, выстраивает своеобразный исторический экскурс, согласно которому человеческая история изобилует многочисленными примерами причудливых знаков и предостережений, посылаемых людям, которым оставалось лишь правильно прочитать их. Примечательны в этом плане «история треуголки», пропажа которой должна была предостеречь ее обладателя от неправильного решения в ходе войны, а так же случай с пассажиркой «Титаника», которая поскользнулась в ванной перед отплытием и решила, что это знак судьбы, но не смогла настоять на своем, за что поплатилась жизнью.

Героиня, повествующая о событиях романа, тоже первоначально не воспринимает всерьез знак, посланный судьбой: «В самый канун этой странной и страшной истории мне был послан знак. Я поступила прямо

противоположно тому, к чему призывала своих читателей. Как? Классически легкомысленно. Просто не обратила на него внимание. По крайней мере сначала. <...> Плечом я врезалась в стеллаж книжных полок, отчего с самой верхней из них немедленно спикировала допотопная толстая папка на тесемочках» [Там же, с. 371-372].

Однако, спустя некоторое время, героиня смогла осознать всю важность «подсказки», которую предоставила ей судьба: «...пускай по воле случая, а отнюдь не по собственному разумению, к тому же только с третьей попытки – я обнаружила его. Знак судьбы. Короткий. Едва различимый. Затерянный в хмуром строю выцветших строк. И грянул в тишине пустой квартиры гром небесный. Хотя, разумеется, никакой нечаянной грозы в морозном небе не намечалось» [Там же, с. 386-387]. Следующая в своих поступках и рассуждениях исключительно логике и рации героиня, все-таки принимает этот судьбоносный «знак», что позволяет ей первоначально понять, что за «история» ей уготована, а затем помогает не просто осознать истину, но и остаться в живых.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в романе М. Юденич «Стремление убивать» представлен гармоничный синтез жанра детективного и готического романа. «Готическая» составляющая органично дополняет и расширяет начально детективное (последнее, по сути, сводится к наличию в произведении жертвы / убийц(ы) / непрофессионального расследователя, а также составляющих ключевую сюжетную коллизию череды преступлений, которые необходимо раскрыть). При этом готическое у М. Юденич воплощено отнюдь не натуралистично, но оттеняет детективную интригу.

В частности, избирая местом развития событий вполне обыденные реалии, насыщая готическим антуражем достаточно реалистическую топографию, писательница стремится выйти за рамки традиции сугубо готической, придает повествованию конкретику и достоверность. Сходную роль выполняет и героиня-повествователь, реконструирующая события недавнего прошлого: именно она выступает в качестве расследователя-непрофессионала. Контраст готического ужаса и обыденности проявляется и во вполне рациональной мотивировке фантастических событий и существенно снижается логически выстроенной детективной интригой.

Список источников

1. Алексеев М. П. Ч. Р. Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» // Метьюрин Ч. Р. Мельмот-скиталец. М.: Прогресс, 1983. С. 3-8.
2. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
3. Вацуро В. Э. Готический роман в России. М.: НЛЮ, 2002. 544 с.
4. Вершинин И. В., Луков В. А. Предромантизм в Англии. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 2002. 320 с.
5. Вечканова М. И. Трансформация готической традиции в творчестве Джойс Кэрролл Оутс: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2011. 195 с.
6. Водолаженко Н. В. Поэтика готической новеллистики Дж. Ш. Ле Фаню (на примере цикла «В зеркале отуманенном»): дисс. ... к. филол. н. Великий Новгород, 2008. 193 с.
7. Заломкина Г. В. Готический миф как литературный феномен: автореф. дисс. ... д. филол. н. Самара, 2011. 43 с.
8. Заломкина Г. В. Поэтика пространства и времени в готическом сюжете: монография. Самара: Самарский ун-т, 2006. 228 с.
9. Иванова Е. Г. Генезис и поэтика готических романов Чарльза Брокдена Брауна: дисс. ... к. филол. н. Великий Новгород, 2001. 196 с.
10. Ковалькова Т. М. Готическая традиция в американской прозе: новеллистика Х. Ф. Лавкрафта: дисс. ... к. филол. н. Н. Новгород, 2001. 206 с.
11. Осьмухина О. Ю. Специфика преломления западноевропейской готической традиции в романе Г. Леру «Призраки Оперы» // Русско-зарубежные литературные связи: межвуз. сб. науч. трудов. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2014. Вып. VI / под ред. Н. М. Ильченко. С. 185-189.
12. Осьмухина О. Ю., Казачкова А. В. Готическое измерение отечественного детектива начала 2000-х гг. (на материале романов М. Юденич) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 253-257.
13. Юденич М. Стремление убивать: роман. М.: АСТ, 2004. 461 с.
14. Gothic: Critical concepts in literary and cultural studies / ed. by F. Botting, D. Townshed. L. – N. Y.: Routledge, 2004. XII+320 p.
15. Gothic horror: A reader's guide from Poe to King and beyond / ed. by C. Bloom. N. Y.: St. Martin's Press, 1998. XVII+301 p.
16. Gothic modernisms / ed. by A. Smith, J. Wallace. N. Y.: Palgrave, 2001. XII+232 p.
17. Howard J. Reading Gothic fiction: A Bakhtinian approach. Oxford: Oxford Clarendon Press, 1994. 189 p.

SPECIFICITY OF GOTHIC TRADITION INTERPRETATION IN M. YUDENICH'S NOVEL "ASPIRATION TO KILL"

Os'mukhina Ol'ga Yur'evna, Doctor in Philology, Professor
Yakunina Mariya Aleksandrovna
Ogarev Mordovia State University, Saransk
osmukhina@inbox.ru

The article is devoted to understanding the interpretation of the Gothic tradition in M. Yudenich's novel by using the comparative historical method and the method of the holistic study of a literary work. It is found out that the work synthesizes the features of Gothic (a special closed chronotope of a house, which is an analogue of the castle chronotope; appearance of ghosts that create the atmosphere of horror and mystery; heroes-villains who determine the plot deployment) and detective novels (heroine-investigator reconstructing the events of the past and basing on logic in disclosing secrets and giving realistic motivation to what is happening).

Key words and phrases: tradition; Gothic; novel; M. Yudenich; chronotope.